

ПРЕДАНІЯ ИЗЪ ВѢКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ. (*)

Малороссія и Украина подарили матери своей Россіи многихъ государственныхъ сановниковъ; въ числѣ ихъ занимали конечно мѣста знаменитыя два незабвенныхъ лица Екатеринина вѣка: Канцлеръ, Свѣтлѣйшій князь Безбородко и Димитрій Прокофьевичъ Тропинскій, бывшій, въ послѣдствіи, министромъ юстиціи, въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Многіе Государственные мужи не чуждались развлеченія послѣ многотрудныхъ своихъ занятій: но это не мѣшало имъ приносить существенную пользу отечеству и Государю. Таковъ былъ и свѣтлѣйшій князь Безбородко. Поработавъ безъ устали недѣлю, онъ, по тучности тѣла своего, имѣлъ необходимую нужду посвятить хоть одинъ день на отдыхъ, и этотъ день былъ—воскресенье. Какъ человекъ свѣтскій, онъ любилъ бесѣду съ людьми умными, но иногда любилъ и повеселиться на просторѣ. Изъ публичныхъ увеселеній предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ маскарадъ, гдѣ, спрятавъ докучливую пышность своего званія подъ таинственность фантастическаго костюма, иногда подъ маскою, давалъ волю

(*) Все здѣсь описанное слышалъ я въ молодости моей отъ графовъ П. В. Заводовскаго и А. И. Васильева, при лицѣ и подъ личнымъ руководствомъ которыхъ началъ я мою службу и сохраняю эти и другія того же рода преданія, какъ святыню. Впослѣдствіи, имѣлъ я два случая повѣрить истину слова двухъ покойныхъ графовъ бумагами, доставшимся послѣ Д. Н. Тропинскаго одной близкой ему особѣ.

своему острому и находчивому уму, и предавался интригованью маскарадному съ какимъ-то юношескимъ увлеченіемъ. Случалось, что послѣ такой остроумно и весело проведенной ночи, онъ возвращался домой — довольно поздно, или вѣрнѣе сказать — рано поутру: часу въ четвертомъ или пятомъ полночь. Само по себѣ разумѣется, что *понедѣльничные* доклады бывали иногда и не такъ легки для князя, послѣ ночной бессонницы. Они начинались всегда въ 8 часовъ утра и продолжались до 11, при волосочесаніи Государыни Императрицы. Иногда случалось Великой Монархинѣ подмѣчать необыкновенную усталость своего умнаго докладчика и она, шутя, намекала ему на такое утомленіе, значительно спрашивая: здоровъ ли онъ; но, никогда не гнѣбалась, ибо умѣла оцѣнивать его высокія государственныя способности и усердіе къ своей особѣ.

Какой то безталанный или упрямый проситель выбиралъ, какъ нарочно, этотъ роковой день для объясненія дѣла своего князю, когда тотъ, выходя въ аудіенцъ-залу, торопился къ утреннему докладу во дворецъ. Иногда, ему просто отказывали за недостаткомъ времени его выслушать въ этотъ день, иногда пробивался онъ сквозь всѣ заставы приличія и, преслѣдуя князя на пути къ каретѣ, въ догонку, рассказывалъ ему нужду свою, и получалъ въ отвѣтъ обыкновенную формулу: «будьте благонадежны!» Но какъ его слушали съ разсѣяніемъ, то столь же скоро и позабывали, что едва выслушивали. Между тѣмъ, дѣло просителя оставалось какъ было — *in statu quo*....

Наскуча слушать одно и тоже, затѣйливый проситель рѣшился на отчаянное дѣло: стакнувшись съ ѣздовымъ князя, подстеречь онъ послѣдняго при выходѣ на крыльцо;

но лишь только въздовой усадилъ тучнаго вельможу, закутаннаго въ соболью свою шубу, проситель вскочилъ за нимъ въ карету. Лакей, будто бы не догадываясь, кто сей незваный спутникъ, прихлопнувъ двери, закричалъ: «Пошелъ!» Кучерь махнулъ по парь шорныхъ лошадей, на которыхъ князь обыкновенно ѣздилъ, и, прежде чѣмъ канцлеръ опомнися отъ внезапнаго появленія спутника своего въ каретѣ, погналъ по понедѣльничному обычаю во дворецъ. Пользуясь столь необычайнымъ случаемъ, проситель умолялъ извинить его дерзость, какъ единственное средство объяснить его свѣтлости дѣло, нетерпящее отлагательства, и вручилъ ему мастерски изложенную записку.

Оригинальность этого новаго способа объясненія такъ показалаcя забавною князю, что онъ улыбался, прочелъ изложеніе дѣла, и найдя его справедливымъ, не только не разсердился на просителя, такъ нагло взявшаго его приступомъ; но, въ этотъ же самый день, доложилъ о дѣлѣ его Императрицѣ, и кліентъ его получилъ желаемое.

Анекдотъ сей разошелся вскорѣ по городу и дойдя до ушей Императрицы, заставилъ ее провести нѣсколько веселыхъ минутъ; между тѣмъ она чувствовала, что старику князю точно была нужда въ помощникѣ, который бы облегчилъ хоть нѣсколько обязанности ея вѣрнаго и забавшагося сановника.

Любезный князь! сказала однажды вѣнчанная мать Россіи своему канцлеру: чувствую, что бремя дѣлъ вашихъ не полѣтамъ. Мнѣ сказывали, что у васъ есть исправный правитель Канцеляріи Трощинскій; позволяю вамъ иногда присылать его ко мнѣ вмѣсто себя съ докладомъ, а особенно по понедѣльникамъ!

Князь былъ очень радъ возложить часть своего бремени на человека, ему преданнаго и — *въ первый за тѣмъ понедѣльникъ*, — Д. П. Тропинскій отправленъ былъ съ докладомъ канцлера во дворецъ.

Первый докладъ сей, при всей смѣтливости и смѣлости Тропинскаго, крайне бы затруднилъ его, если бы сама Императрица, съ свойственною ей ангельскою добротою, не поддержала его своимъ милостивымъ снисхожденіемъ. Ободренный ею, онъ превосходно исполнилъ свое дѣло, какъ будто бы вѣкъ былъ докладчикомъ (такъ назывались тогда нынѣшніе статсъ-Секретари). И Царица, и князь, и докладчикъ всѣ остались довольны. Вскорѣ, увидѣла великая Екатерина кто былъ Тропинскій, и разгадала въ немъ будущаго государственнаго мужа. Онъ былъ тогда еще Коллежскимъ Совѣтникомъ и не имѣлъ ни одной звѣзды: Монархиня пожаловала ему владимира 2-й степени, и при первомъ случаѣ произвела въ Статскіе Совѣтники, по званію Докладчика, уже занимаемому имъ *de facto*.

Тропинскій былъ бѣденъ: имѣлъ только 17 душъ крестьянъ и 80.000 р. долгу. Находясь при пышномъ князѣ Безбородкѣ и увлеченный молодостью, онъ жилъ не по состоянію, въ надеждѣ-случая — отличиться, послужить и обратить на себя вниманіе своей Монархини, такъ высоко цѣнившей заслуги. Государыня все это узнала и боясь, чтобы Тропинскій, которымъ она очень была довольна, не впалъ въ какое нибудь искушеніе при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшилась испытать его честность и безпристрастіе. Для этого нарочно выбрала она одно *казусное* дѣло, и рассказавъ его содержаніе, поручила Тропинскому написать докладъ въ пользу одного изъ тяжу-

щихся. Порученіе это повергло Троцинскаго въ величайшее затрудненіе: тотъ, къ кому, повидимому, благоволила Императрица, былъ не правъ. Несмѣя отговариваться, Троцинскій попросилъ дѣла для соображенія обстоятельствъ и сроку до слѣдующаго доклада. Ну, что! спросила Екатерина, увидѣвъ входившаго докладчика: исполнилъ ли вы мое приказаніе. — Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня! «— А почему?» — Не могу; это было бы противъ моей совѣсти: воля ваша — законъ; повелите, — то и будетъ, но я былъ бы безчестнымъ исполнителемъ вашей воли; если бы, прежде исполненія, усомнился довести истину до престола вашего. Лицо, которое повелѣли мнѣ защищать, недостойно монаршаго заступленія, а обвиняемый — правъ. «— Императрица улыбнулась и восхищенный Троцинскій вскорѣ узналъ, что все это было лишь испытаніе его добросовѣстности: сама правосудная владычица Россіи была однихъ мыслей съ своимъ докладчикомъ на счетъ этого дѣла. Съ тѣхъ поръ, приняла она твердое намѣреніе оградить вѣрнаго слугу своего отъ сѣтей и соблазновъ, которыми люди злонамѣренные могли бы уловить его испытанную честность. Однажды, другой докладчикъ, Стрекаловъ, предварилъ его втайнѣ, что ему готовится неожиданная царская милость, и милость эта была истинно царская! При входѣ Троцинскаго въ кабинетъ Императрицы, она, встрѣтила его улыбкою и сказала: «здравствуй, *баринъ!*» — Троцинскій остановился въ изумленіи и не зналъ что отвѣчать. Екатерина повторила свой привѣтъ и смущеніе докладчика еще болѣе усилилось. «Садись, *баринъ!*» сказала ему еще разъ Великая, и когда онъ сѣлъ, Монархиня вынула изъ столоваго ящика бумагу и подала ему.... Троцинскій развер-

нуль и остолебѣль: онъ читалъ указъ, которымъ ему пожаловано было помѣстье съ 5000 душъ крестьянъ!.. Съ трепетнымъ благоговѣніемъ и слезами на глазахъ пролепеталъ онъ вѣрноподданическую благодарность свою Императрицѣ, упалъ къ стопамъ ея и облобызалъ ея колѣна. Государыня подняла добраго слугу царскаго и изволила протянуть ему свою щедрую руку. Онъ прижалъ ее къ устамъ своимъ и, вѣвъ себя отъ умиленія, почти рыдая, благодарилъ ее безмолвно слезами и вторично упалъ ей въ ноги. Милосердая Царица снова подняла его и сказала: «довольно, довольно!» — Чѣмъ заслужилъ я такія монаршія щедроты? спросилъ растроганный Трощинскій. — «Твоимъ умомъ, твоею дѣятельностью, твоимъ усердіемъ. Теперь прошу тебя объ одномъ: не покидай меня, послѣ этого, *новый баринъ!*» прибавила она, шутя. — «Мнѣ покинуть службу вашего Величества!» сказалъ изумленный сановникъ. — «Да, мой другъ, ты былъ бы не первый изъ облагодѣтельствованныхъ мною. Многіе, получивъ желаемое, удалились изъ службы моей, въ тѣ самыя помѣстья, которыми я дарила ихъ!» — «Пусть Богъ оставитъ меня, возразилъ Трощинскій, если я подумаю когда либо оставить мою благодѣтельницу, мое второе Провидѣніе! что бы ни случилось со мною, Бога всемогущаго призываю въ свидѣтели моей клятвы!» — «Хорошо, отвѣчала Ека-терина: теперь, примемся за дѣло: тысячи ждутъ судьбы своей; мнѣ дорога каждая минута!» — И она занялась дѣлами. Трощинскій едва могъ говорить отъ избытка чувствъ и докладъ этотъ, какъ самъ онъ сознавался потомъ, былъ для него самымъ труднымъ, не смотря на великую способность сего облагодѣтельствованнаго Царицею вѣрноподданнаго

Трощинскій исполнилъ клятву свою, и, до самой кончины блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины второй именемъ, великой дѣлами, не оставлялъ ея службы.

Такъ награждала великая Монархиня своихъ вѣрныхъ слугъ и самыя щедроты свои умѣла растворять такою ангельскою добротою, что удвояла ихъ цѣну. Признательное потомство благословляетъ память ея и платитъ ей любовью къ достойнымъ ея внукамъ!...

П. Корсаковъ.

